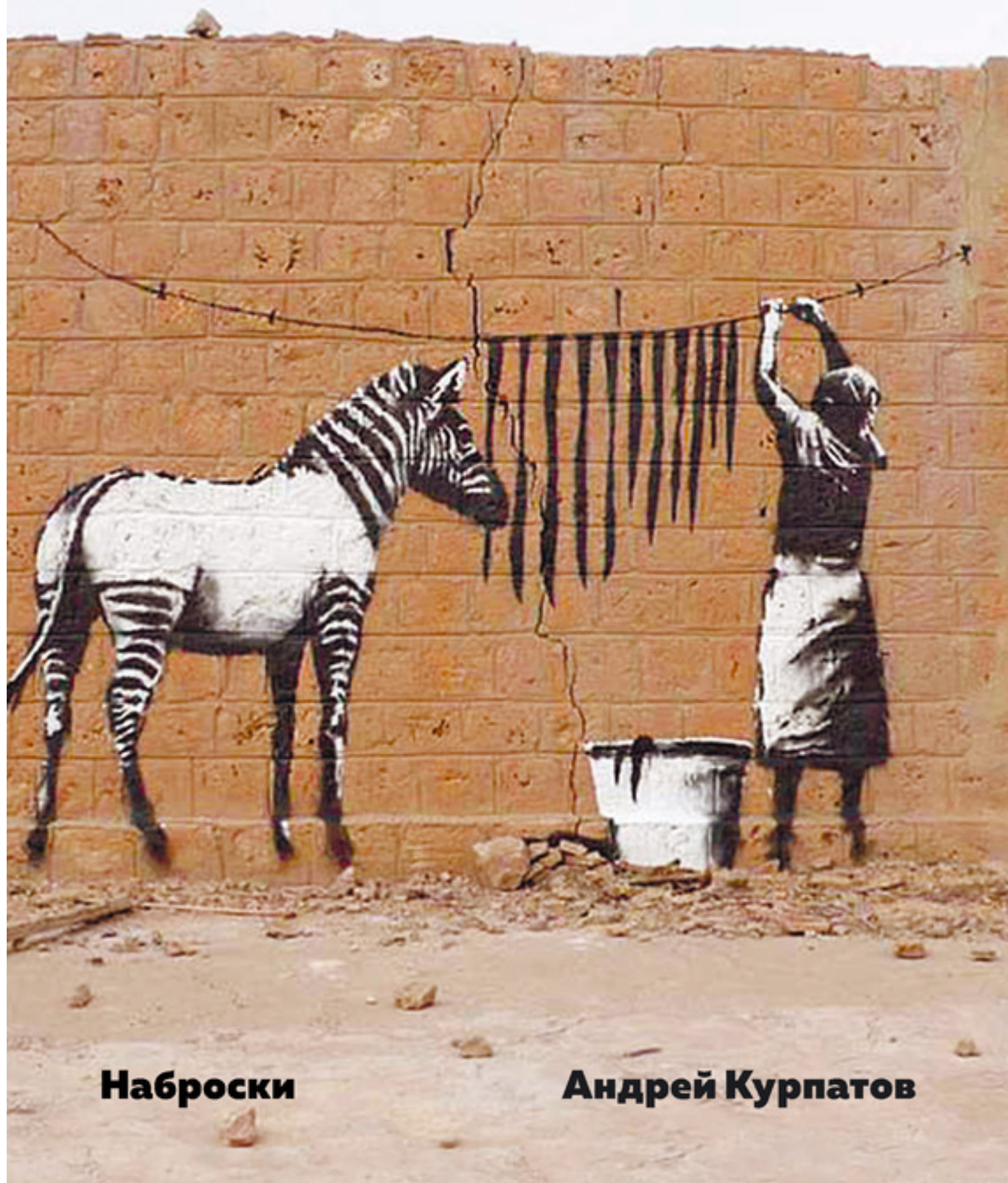

ЧТО ТАКОЕ МЫШЛЕНИЕ?

Наброски

Андрей Курпатов

Игры разума

Андрей Курпатов

Что такое мышление? Наброски

«Курпатов А.В.»

2016

Курпатов А. В.

Что такое мышление? Наброски / А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.», 2016 — (Игры разума)

ISBN 978-5-9907585-4-4

Наивно было бы полагать, что мы можем дать удовлетворительное определение понятию «мышление». В погоне за ним, мы в лучшем случае сформулируем непрактичное представление о мышлении. Нам необходим инструмент, точнее даже – инструкция к инструменту, который мы уже имеем, но не вполне понимаем, как же им пользоваться. Без этой инструкции само наше мышление (как инструмент) не является еще мышлением в строгом смысле этого слова. Так что, эта инструкция – не просто правила пользования мышлением. Она должна создать мышление в качестве инструмента, придать мышлению статус мышления. В результате мы получим даже не одно мышление, а несколько разных его типов. Нам предстоит понять, каким образом нечто, что следует называть мышлением, может работать в разных режимах.

ISBN 978-5-9907585-4-4

© Курпатов А. В., 2016

© Курпатов А.В., 2016

Содержание

Анатолий Алёхин	6
От автора	11
Часть первая:	12
§ 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Курпатов

Что такое мышление? Наброски

© Курпатов А.В., 2016

© Издательство Трактаг, 2016

* * *

Анатолий Алёхин

Мыслить мышление

[предисловие]

Новая книга Андрея Курпатова излагает результаты дальнейшей разработки проблемы мышления в Высшей школе методологии. Основные направления этого исследования были заданы предыдущей работой автора «Методология мышления. Черновик», где предложен общий абрис теории мышления, размечена структура объекта исследования и сформулирован терминологический аппарат для фиксации элементов этой материи. Условно говоря, «Черновик» предъявил «морфологию мышления», где этот процесс был схвачен в основном, а элементы его описаны и зафиксированы в надлежащих концептах. В нынешней работе мышление анализируется уже как самостоятельный процесс, отграниченный в объёме интеллектуальной активности, имеющий собственный генез, историю и функции. Это, опять же условно, в большей степени описание «физиологии» мышления, здесь оно исследуется как результат развития, подчинённого закономерностям вrastания человека в культурно-историческую среду по мере его взросления.

Это развитие, которое определяют собственные движущие силы, проходит определённые этапы и венчается формированием матрицы интеллектуальных объектов разного уровня сложности, среди которых и «я» человека.

Методология мышления – то есть подход, лежащий в основе проводимых изысканий, – принципиально новый тип исследовательской практики, который точнее было бы назвать метаметодологией. В общеупотребимом значении методология – учение о методах, способах познания действительности. В истории научного познания известно немало методов, притязавших на особый уровень достоверности – это и материализм, и идеализм, и функционализм, и феноменология, и структурализм, и энактивизм и т. д. Однако последовательное проявление любого метода-подхода-способа познания, как об этом свидетельствует короткая история методологии, всегда приводит к вопросу об основаниях тех или иных умозаключений, лежащих в основе метода, – проще говоря, к человеческому мышлению, порождением и выражением которого любой заявленный метод и является. Мышление, таким образом, всегда оказывается исходным механизмом интеллектуального взаимодействия человека с действительностью, результатом которого может становиться знание о ней и соответствующие этому знанию практики. Задачей мета-методологии, следовательно, является анализ самого мышления и его достоверности.

Думать о мышлении, «мыслить мышление» – задача совершенно недоступная в традиционной системе представлений. Мышление, существующее до всего разнообразия знаний, остаётся прозрачным, а мы всегда имеем дело лишь со следами мышления – с представлениями об этой действительности. Сделать прозрачное видимым, увидеть за состояниями процесс, а под разнообразием представлений – то, что происходит в действительности, это и есть задача мета-методологии, или методологии мышления. Основной вопрос мета-методологии формулируется так: что происходит на самом деле? Ответ на этот вопрос невозможен в привычной парадигме, поскольку всё, что может быть высказано, уже не то, что есть. Следовательно, мышление о мышлении подразумевает нечто принципиально иное, и А. Курпатов всей своей теоретической и практической деятельностью настойчиво развивает такой – иной – способ думания. Детальное описание и именование этого метода – актуальная задача мета-методологии.

В предыдущих работах А. Курпатова («Начало психософии», «Философия психологии», «Психософия») был заявлен «метод принципа» – тот, что основан на проявлении собственных оснований, лежащих под любым формируемым человеком знанием о действительности. Поскольку единственным объектом, доступным для познания, метод постулирует психологи-

ческий опыт человека, философский, в смысле мета-предметный, анализ его позволил усмотреть систему таких оснований – «принципы», которые предопределяют организацию и динамику самого психологического опыта. Так новая методология обрела имя – «Психософия». Своё предельно концентрированное воплощение она нашла в «Психософическом трактате» А. Курпатова, где воплотились в форме текста процесс и результат «несодержательного мышления». Необходимо пояснить, что «Психософия» как новая методология («Философия психологии») не имеет никакого отношения к мистическим учениям с греческим корнем «софия» в названиях. О семантической слабости привычного языка мы писали ещё в «Началах психософии», и изобретение или изыскание концептов, позволяющих адекватно обозначить сущность исследуемого явления, самостоятельная и чрезвычайно сложная задача мета-методологии, последовательно решаемая в представленных изданиях. Отыскиваемые концепты должны, с одной стороны, означать, схватывать собой суть исследуемых явлений, с другой – должны быть свободны от множества иных значений, которыми со временем обременяется любое слово. Используя новую методологию в качестве технологии мышления, А. Курпатов конструирует знания о человеке, которые поразительным образом оказываются доступны как для людей неискушенных, так и для специалистов. Внимательный читатель мог бы усмотреть во всех его работах – и в популярных, и в строго научных – почти технические алгоритмы, определяющие эффект от их прочтения: ощущение цельности, ясности и понятности, а, нередко, и стойкую иллюзию того, что и «сам всегда так думал, просто сказать не мог».

«Психософический» метод разрабатывался строго аналитически, когда еще не были доступны современные данные нейрофизиологии, способные иллюстрировать установленные фундаментальные принципы интеллектуальной деятельности человека. Но вот уже и в науке о мозге за последние десятилетия произошла настоящая революция, а полученные результаты позволяют по-новому рассмотреть и интеллектуальные прозрения философов, и научные теории. Современные исследования человеческого мозга «in vivo» предоставляют недостающие элементы в основания теории познания, а факты об организации и функциях мозга позволяют наполнить конкретным содержанием те аналитически постигаемые принципы, которые положены в основу «несодержательного мышления». Таким образом, новая методология, благодаря успехам нейронаук, обретает дополнительное измерение, придающее ей статус естественно-научного подхода. И увиденная именно так нейрофизиология живого мозга, открывает возможности для аналитического исследования процесса, сохраняющего свою «прозрачность» при любой другой точке зрения – собственно мышления.

Работа «Что такое мышление? Наброски» является замечательной иллюстрацией разрешающей способности представленной методологии мышления.

Стоит предупредить читателя, что ответа на вопрос: «Что такое мышление?», то есть сформулированного определения, он в этой книге не найдёт. В данном случае текст – это подробный протокол мысленного анализа общепринятых представлений, которые нами не критично, но привычно считаются мышлением. В ходе последовательного и настойчивого разоблачения этих представлений становится очевидным, что ответом на этот вопрос не может быть ни знание, ни представление. Ответом становится особого рода состояние озадаченности, войти в которое можно, принимая иллюзорность любого окончательного ответа. Создать у читателя такое состояние и предполагает представляемый текст.

* * *

Книга содержит четыре части, в каждой из которых четыре параграфа. Это отнюдь не каприз автора – организация содержания текста последовательно, как это только и возможно в тексте, воплощает те «симультанные» (целостные) реконструкции мышления, которые становятся доступны упомянутому «несодержательному мышлению». В книге, которая неслучайно

названа «Наброски», прорисованы контуры открытой системы, задающие возможные дальнейшие направления теории и практики мышления. Хочется посоветовать читателю так следовать за автором, будто вместе они ищут некую вещь, которая точно существует, но о которой ничего неизвестно и нельзя ничего толком сказать. Ощущение того, что это «нечто» есть, заставляет внимательно вглядываться в сложное переплетение разных вещей, перебирая их, убеждаться, что это не то и это не то... И только так, сосредоточившись, можно обнаружить то, что ищется. И дальше обнаруженное следует рассматривать, «ощупывать» с разных сторон, соотносить с другими вещами. Если делать это внимательно и сосредоточенно, обязательно наступит момент, когда искомое предстанет во всей своей определённости и полноте.

На этом, конечно, процесс познания не заканчивается: предстоит еще уяснить, как это нечто устроено, из чего оно складывается, каково назначение составных частей в общем механизме, что из чего происходит и что на что воздействует. Предстоит еще всему распознанному присвоить имена, тогда достигнутое понимание может стать инструкцией по использованию придуманного. Такое движение мысли можно уподобить микроскопическому анализу, когда, увеличивая разрешающую способность зрения, благодаря познанным законам оптики, мы способны увидеть в комке вещества другие вещи, дотоле не различаемые. Познание любого явления разворачивается по этой естественной схеме: определение границ исследуемого, анализ элементов, его составляющих, исследование функциональных отношений между элементами, уяснение структуры, организуемой этими отношениями и т. д. Сообразно этому и разворачивается текст книги.

Автор начинает с того, что, анализируя различные явления интеллектуальной активности, осуществляемой человеческим мозгом, проводит отграничение пространства, в котором интеллектуальная активность обладает качественной спецификой («Интеллектуальная активность, мышление и тот, кто думает»). Такая специфика усматривается в том, что мозг не только «потребляет» информацию, но ещё и производит её. Реакции мозга на раздражители действительности сами являются сигналами для наличных систем распознавания, сформированных в мозге. То есть эти реакции сообщают (при наличии «наблюдателя») что-то ещё, кроме самих себя, приобретают значения. В производстве информации можно различить и сугубо нейрофизиологические (генетически детерминированные механизмы работы мозга), и психологические (приобретенные в результате воспитания и обучения) алгоритмы обработки сигналов, и алгоритмы взаимодействия различных систем распознавания сигналов. Таким образом, в психическом пространстве различаются сферы интеллектуальной активности, в которых циркулируют интеллектуальные объекты разной сложности. В этом, в производстве сложных интеллектуальных объектов, как представляется, состоит существенное свойство мышления, выделяющее его на фоне прочей интеллектуальной активности. Существенное, но недостаточное.

Привычным ходом для определения мышления на фоне прочей интеллектуальной активности является привнесение в психическое пространство некоторого «деятеля» – субъекта мышления, якобы управляющего динамикой «мыслительного процесса». Иллюзия «субъекта» мышления настолько психологична, что усомниться в реальности «я», равно как в реальности собственных представлений, самостоятельно невозможно. Более того, представление о субъекте мышления прочно вошло во все научные психологические представления. Однако тщательное прояснение места и роли «я» в пространстве мышления показывает, что оснований для приписывания личностному «я» особых функций нет. По всем своим свойствам личностное «я» – не что иное, как сложный интеллектуальный объект, и собственная динамика интеллектуальных объектов отнюдь не предполагает того, что есть некто, кто управляет ею, думает. Такая динамика вполне объяснима спонтанной активностью мозга, когда в фокусе внимания оказываются различные интеллектуальные объекты безо всякого целесообразного побуждения того, кто мог бы думать.

В действительности «я» актуализируется тогда, когда возникает необходимость рассказа о чем-то. В нарративе «я» выступает некоторым центром, вокруг которого разворачиваются означенные представления. Таким образом, и здесь можно выделить уровни, на которых осуществляется интеллектуальная активность. Есть уровень, где динамика интеллектуальных объектов определяется нейрофизиологическими механизмами и происходит безо всякого сознательного участия (все те процессы гомеостатического регулирования, которые реализуются мозгом). Есть уровень состояний, которые являются откликами распознающих систем на изменения состояния, и, в свою очередь, сами на эти состояния воздействующие – апперцептивные процессы. Но можно фиксировать и уровень интерпретации переживаемых состояний – значений – в системе языков описания. На любом из этих уровней интеллектуальная активность сводится к динамике интеллектуальных объектов разной сложности. Таким образом, ни морфологический, ни функциональный анализ интеллектуальной активности не дают оснований для фиксации того, что можно полагать собственно мышлением.

В следующей части книги – «Интеллектуальная активность, мышление и другой» – автор смещает точку зрения в направлении генетических аспектов того, что принято считать мышлением. Исследование становления интеллектуальной деятельности в индивидуальном онтогенезе позволяет прояснить, как формируется пространство мышления, какую роль имеет в этом процессе взаимодействие ребенка со взрослым, являющимся для него проводником в «мир интеллектуальной функции». Эмпирический, а потом и научный опыт воспитания и образования человеческого существа фиксируют определенные закономерности развития мышления человека. В частности, то, что мышление интимнейшим образом связано с речью и предполагает диалог, разговор с другим, известно от начала времен. Собеседник, хотя бы и вымышленный, является необходимым условием мышления, как в его статическом, так и в генетическом аспекте. Только благодаря речи биологически предопределенная стайность человеческого существа становится социальностью взрослого человека. И фундаментальный труд Л.С. Выготского, заложившего основания культурно-исторического метода в науках о человеке, так и называется: «Мышление и речь». Кризис трёх лет, феномен эгоцентрической речи, этапы формирования понятий и особенности детского мышления, описанные Л.С. Выготским, указывают возможные направления исследования мышления. И в этой части автор прослеживает сам процесс вхождения человеческого существа в мир взрослых и их отношений.

Эта часть книги может показаться излишне автобиографической, но соответствующие примеры приведены здесь лишь для иллюстрации важных вещей.

Усваивая язык во взаимодействии со взрослыми, ребенок обретает возможность связывать слова с собственными переживаниями, которыми до тех пор ограничивался его опыт. Таким образом в интеллектуальной активности ребёнка формируется плоскость мышления, слой, в котором эволюционируют новые интеллектуальные объекты. Поначалу это всего лишь комплексы, связывающие непосредственные переживания ребенка со словами. По мере взросления и расширения репертуара взаимодействия ребенка со взрослыми эти комплексы насыщаются значениями, зафиксированными в культуре. Ребенок усваивает их, переживая ситуации социального взаимодействия со значимыми взрослыми. Постоянное усложнение и обогащение психологического опыта ребенка сопровождается его реорганизацией, когда сложные интеллектуальные объекты приобретают собственные конфигурации в плоскости мышления (автор называет их «тензорными метриками»), вбирая в себя следы значений культуры, символические значения вещей. Вместе с обогащением «плоскости мышления» расширяется и спектр представлений такого интеллектуального объекта, как личностное «я» ребёнка, которое мало-помалу становится своеобразной виртуальной осью переживаемого и называемого.

Дальнейшая эволюция системы мышления, организация его пространства и консолидация личностного «я» выпадают в известной нам культуре на подростковый период онтогенеза. Анализ процессов, знаменующих формирование привычных нам форм мышления, посвя-

щена третья часть книги «Соппротивление в мире интеллектуальной функции и личностное «я»». Здесь главным условием системогенеза мышления видится такое взаимодействие подростка с другими людьми, при котором нарождающееся желание близости наталкивается на сопротивление этому желанию со стороны другого человека. Сопротивление желания другого собственному создаёт условия – переживания, когда объектом проблематизации становится личностное «я», или то множество личностных «я», которые оформились на предыдущем этапе развития. Важным условием для такой проблематизации становится приобретенный объем психологического опыта, который делает возможной реконструкцию «другого» в собственном пространстве мышления. Подобные переживания, когда личностные «я» обездвиживаются сопротивлением другого, становятся «точками сборки», консолидации личностного «я», которое и станет позже мнимым центром интеллектуальной активности.

Таким образом, формирование мышления представляется процессом вхождения в актуальное культурно-историческое пространство, или, с другой точки зрения, погружения в «мир интеллектуальной функции», психологического инварианта социальной организации сообщества, в котором осуществлялось развитие. В результате такого погружения интеллектуальная активность смещается в сферу фиксированных в культуре значений вещей и подменяет собой опыт реального взаимодействия с действительностью. Этой эволюции посвящена четвёртая часть книги «Социальная структура и пространство мышления».

* * *

Любое знание имеет ценность лишь в том и тогда, когда оно становится практикой. Представленная работа, как и предупреждалось, не дает ответа на вопрос, что такое мышление. Но вот так представленное мышление, и в этом безусловная ценность работы, приоткрывает возможности для практики мышления, его целенаправленного формирования и тренировки. Разработка дидактики мышления, включающей конструирование развивающих социальных ситуаций, обучение, способствующее созданию интеллектуальных объектов высокого уровня сложности, и, главное, создание условий для поддержания состояний озадаченности вопросом «Что происходит на самом деле?», представляется теперь наиболее перспективным направлением изысканий Высшей школы методологии.

доктор медицинских наук, профессор *Алёхин Анатолий Николаевич*

От автора

[что следует считать собственно "мышлением"]

Наивно было бы полагать, что мы можем дать удовлетворительное определение понятию «мышление». Следуя этим путем, мы в лучшем случае сформулируем лишь некое непрактичное *представление* «о мышлении». Но от подобного определения, даже если мы им, в конце концов, удовлетворимся, будет мало проку.

Нам необходим инструмент, точнее даже – инструкция к инструменту, который мы уже, очевидно, как-то имеем, но не вполне понимаем, как же им правильно (с максимальной эффективностью) пользоваться.

Без этой инструкции само мышление (мышление как инструмент) не является еще мышлением в строгом смысле этого слова. Так что эта инструкция – не просто «правила пользования» мышлением, она, по существу, должна буквально создать мышление в качестве инструмента, придать мышлению статус собственно мышления.

Более того, по всей видимости, в результате этого исследования мы получим не одно «мышление», а несколько разных типов мышления. Точнее говоря, нам предстоит понять, каким образом нечто, что следует называть собственно «мышлением», может работать в разных режимах – то есть с использованием разных дополнительных средств (языка, образов, схем, инвариантов и т. д.).

Впрочем, прежде нам нужно выделить мыслительный процесс (в строгом смысле этого слова) из всех иных форм психической деятельности, которых, судя по всему, немало, – показать, что на самом деле мышлением не является. Мы таким образом должны очертить область, где происходит то, что следует называть собственно «мышлением». Не определить ее, а именно показать это от противного – показать, почему нечто не является мышлением и должно быть отставлено, если мы хотим думать мышление как таковое.

В конечном счете мы отвечаем на вопрос: что есть «мышление» на самом деле? Что есть *собственно* «мышление»? Как думать свое мышление?

Часть первая: Интеллектуальная активность, мышление и «тот, кто думает»...

§ 1

1. Мышление, конечно, является интеллектуальной активностью, однако лишь малая и лишь весьма специфическая часть интеллектуальной активности может считаться собственно мышлением.

2. Интеллектуальная активность – это, строго говоря, любая работа интеллектуальной функции с любыми интеллектуальными объектами (что бы это ни значило).

Интеллектуальные объекты – есть нечто, что психика (или любой другой агент, работающий с информацией) определяет в качестве некой целостности (как целое), годящейся для того, чтобы с ней могла работать интеллектуальная функция.

Интеллектуальная функция – это любые операции, которые психика (или любой другой агент, работающий с информацией) способна совершать с интеллектуальными объектами: производство, соотнесение, преобразование, использование в моделировании и т. д.

3. Интеллектуальная активность – это любая работа с информацией.

Однако слово «информация», полагаю, не самое удачное, поскольку само по себе нуждается в каком-то внятном определении, получить которое весьма затруднительно. Мы будем для простоты понимать под «информацией» всякое состояние материального мира, способное сообщать реципиенту информации о чем-то другом, кроме непосредственно себя самого.

4. За скобками, понятно, остается вопрос о том, кто и как способен это сообщение (информационное сообщение) считывать – этот загадочный «реципиент информации». Тогда как именно этот вопрос и является, по существу, ключевым: ведь сама эта способность видеть в чем-то одно свидетельство чего-то другого – и есть, собственно, производство информации.

Информация, иными словами, не является информацией как таковой до тех пор, пока она не стала информацией *для кого-то*. Она в такой ситуации – лишь какое-то состояние материального мира и не более того.

5. Само же по себе это «состояние материального мира» (могущее быть информацией лишь при наличии того, кто способен ее в таком качестве воспринять) ни в каком «субъекте» совершенно не нуждается¹.

Более того, с этими «состояниями» могут происходить любые изменения и тогда, когда за этими изменениями «никто не следит».

Причем это касается не только «внешней» по отношению к нам информации (если мы говорим о человеке), но и, например, наших собственных воспоминаний, которые изменяются со временем под влиянием тех или иных обстоятельств, более поздних опытов и переживаний.

¹ Подумай, например, о генетической информации или физической основе радиоуглеродного анализа.

6. Отсюда возникает вопрос: можем ли мы считать результатом интеллектуальной активности те изменения в информации, которые происходят без всякого участия этого «некто» (кем бы он ни был)?

Условно говоря, если сегодня информация (определенное наблюдателем состояние материального мира) одна, а завтра она станет другой (то есть данное состояние материального мира изменится), и это произойдет без участия наблюдателя (то есть он зафиксирует одно состояние, а затем другое, но не сам процесс изменения состояния материального мира) – будет ли это изменение результатом интеллектуальной активности?

Фиксируя отдельные точки графика, а не саму линию графика (то есть не предельно все его точки), мы будем иметь лишь какие-то точки одного графика, через которые можно построить и другой график.

7. Таким образом, мы не должны думать об интеллектуальной активности как о некоем сквозном процессе. Образно говоря, мы (или кто-либо другой в качестве наблюдателя) лишь схватываем своей интеллектуальной активностью различные состояния материального мира в разных точках.

Это как с отдельными кадрами киноплёнки: каждый из них дан нам в качестве фиксированного изображения, а метаморфозу перехода из одного изображения в другое наш психический аппарат просто придумывает. При этом мы находимся в полной уверенности, что имеем динамичное изображение, видим «процесс изменений»².

Уверенность, что интеллектуальная активность свидетельствует «процесс», а не череду состояний, ошибочна. Наивно думать, таким образом, что интеллектуальная активность (на всех ее уровнях организации, любой степени сложности и в любых ее возможных режимах) способна предложить нам непротиворечивую картину реальности.

8. По существу, любой агент, работающий с информацией (будь то биологический мозг или компьютер), осуществляет интеллектуальную активность.

Однако если в случае компьютерных систем мы хорошо понимаем, какого рода интеллектуальная функция (программа) работает с интеллектуальными объектами (целыми информацией) и как именно она это делает³, то вот в случае биологического мозга наше понимание интеллектуальной функции пока прояснено недостаточно.

9. Более того, пока не вполне понятно – можем ли мы вообще уподобить феномен интеллектуальной функции, присущий нашему биологическому мозгу, компьютерной программе как таковой? И та, и другая, по всей видимости, представляет собой некий алгоритм. Но вопрос в логике работы этого алгоритма.

Можно предположить, что особенность биологического мозга состоит в том, что компьютерная программа работает с состояниями материального мира как таковыми, а он на каком-то уровне своей организации имеет дело и с самими состояниями материального мира, и с ними же, но уже в качестве информации (когда эти состояния материального мира сообщают нам о чем-то еще, кроме себя самих)

Этим я хочу сказать, что биологический мозг несет в себе некое состояние материального мира (сам по существу является этими состояниями)⁴, но одновременно с этим производит и

² Подумай, как в него вписывается «25-й кадр», и вписывается ли он в него вообще.

³ Впрочем, не уверен, что то же самое можно сказать о самообучающемся искусственном интеллекте

⁴ Под «состоянием материального мира биологического мозга» можно понимать разные вещи в зависимости от используемых теоретических концептов: например, возбудимость нервных клеток, кортикальные колонки, нейронные ансамбли, динамические стереотипы, доминанты, функциональные системы акцептора результата действия, гетерохимические генераторы паттернов поведения и т. д. и т. п.

некую информацию об этих состояниях материального мира. При этом и то и другое – то есть и сами эти состояния, и информация о них – непосредственно и «одновременно» участвуют в создании им интеллектуальных объектов. Они участвуют как бы, в каком-то смысле, «на равных».

Иными словами, я не думаю, что дело может обстоять так, что вот есть уровень состояний материального мира (определенное состояние биологического субстрата нервной системы), а вот есть «информация» – некая производная от этих состояний, которая существует в своем регистре реальности, как бы сама по себе. Вероятно, нам только так кажется (удобно так думать), что это два разных – «параллельных друг другу» – уровня, а на самом деле никакой границы между ними нет.

С другой стороны, в некотором смысле «качественно», несмотря на отсутствие границы, они могут быть совершенно отличны, что, впрочем, не будет мешать им взаимодействовать, оказывать какое-то взаимовлияние, но так, что об этом нельзя знать.

Точнее, об этом можно будет знать *как-то*, если анализировать это «удвоение» с позиций состояний материального мира, и *как-то*, если анализировать его с позиций информации о состояниях материального мира, но каждому такому «анализу» будет чего-то не хватать, что-то всегда будет оставаться упущенным.

10. То есть в работе интеллектуальной функции биологического мозга происходит своего рода весьма специфическое «удвоение» содержания (что, впрочем, нельзя понимать строго математически, а скорее, качественно). Собственно, эта, условно говоря, удвоенная структура интеллектуальных объектов биологического мозга и определяет, вероятно, специфику его интеллектуальной функции.

Когда я говорю, что такое «удвоение» нельзя понимать просто математически (арифметически?), я думаю о двух следующих вещах.

Во-первых, далеко не все (а вероятно, лишь их мала я часть) состояния материального мира биологического субстрата мозга *так* «удваиваются», превращаясь еще и в информацию (поскольку для этого удвоения необходим какой-то условный «наблюдатель» – этот «кто-то», см. п. 4).

То есть что-то может «удваиваться» в нашем мозге, становясь еще и информацией о состояниях его материального мира, а что-то – нет. При этом это «что-то» не перестает оказывать влияние на возникающие области «удвоения», на характер этого удвоения – и на соответствующее состояние материального мира, и на «наблюдателя», для которого оно является еще чем-то, кроме себя.

Во-вторых, поскольку функционирование мозга организовано не линейно, мы никогда не можем быть уверены, что этот «кто-то», «удваивающий» то или иное состояние материального мира моего мозга, один. Вполне возможно, что одно и то же состояние материального мира биологического мозга может «удваиваться» одновременно и неоднократно – многими «кто-то» (производными других «удвоений», например).

Таким образом, в каждом «отдельном» уравнении такого рода может оказаться большее число элементов, чем кажется (если думать о понятии «удвоения» формально), а именно – само данное состояние материального мира и информация о нем от каждого из «наблюдателей», вовлеченных в этот процесс, чье число нам неизвестно. Причем «в следующее мгновение», возможно, составляющие «уравнения» («формулы»?) будут уже другими, а потому и «итог» этого «удвоения» будет иным.

11. Таким образом, не существует жесткого, определенного отношения между тем, каково в действительности какое-то материальное состояние (из множества) нашего биологи-

ческого мозга, и тем, какую информацию об этом состоянии имеет «кто-то» (в этом же мозге), для кого это состояние является и еще чем-то, кроме него самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.